

После того вечера в доме господина Хуана Чэн Фэнтай несколько раз виделся с Шан Сижуюем на разнообразных приёмах. По большей части они просто здоровались и обменивались парочкой шуток, заставляя всех вокруг смеяться. Теперь Шан Сижуй тоже стал играть в маджонг, однако это не превратилось у него в дурную привычку — его всякий раз приходилось уговаривать на разные лады, чтобы он наконец согласился сесть за игровой стол. С одной стороны, он боялся проиграть — все эти окружающие его господа и дамы в случае проигрыша заставят его несколько дней петь задаром. Шан Сижуй всегда был человеком, который не умеет считать деньги — всю прибыль за него подсчитывала служанка Сяо Лай, — но всякий раз, когда он обращался к ней за деньгами на игру, у неё делалось ужасно недовольное выражение лица — и потому он поневоле её побаивался. При первых же проявлениях беспокойства со стороны Шан Сижуюя Чэн Фэнтай тут же вошёл в его положение, и, когда молодой актёр сел играть за один стол с ним, второй господин всеми силами ему подыгрывал, а Шан Сижуй об этом даже не догадывался — потому-то ему так нравилось играть с Чэн Фэнтаем.

То, что между ними зародилась дружба [1], было весьма неожиданно, хоть и вполне объяснимо. Пусть у Шан Сижуюя были давние разногласия с Чэн Мэйсинь, оба мужчины не принимали это близко к сердцу, ведь у них был лёгкий характер, а потому они отлично поладили.

В то же время Чэн Мэйсинь понятия не имела, что младший брат за её спиной водит дружбу с Шан Сижуюем. Нынче она отдавала все силы добросовестному исполнению роли почтенной супруги главнокомандующего Цао, у которого к тому же от первых браков осталось трое детей. Изначально она была блестящей светской львицей, которая привыкла жить красиво, пуская пыль в глаза окружающим, однако теперь ей пришлось «стереть белила и явить скромную наружность». Чэн Мэйсинь больше не появлялась на вечерах, где играли в маджонг, хоть прежде была их частой гостьей. Её наряды и макияж больше не искрились и не сверкали, напоминая «цветущие горы, зелёные реки» [2]. В глазах других людей она и впрямь преисполнилась добродетелей, превратившись в строгую благочестивую супругу. Лишь Чэн Фэнтай, который, будучи её братом, хорошо знал Чэн Мэйсинь с детства, понимал, что причина этого кроется в том, что её положение в семье Цао нестабильно: раз уж она хотела прибрать к рукам имение, ей нужно было следить за слугами, подкупать солдат мужа, тем более, что трое детей совсем отбили от рук, хочешь-не хочешь, приходилось призывать их к порядку — но, чтобы понять, как на самом деле обстоят дела, требовалось немало времени.

На этот раз игра проходила в доме вице-министра Цяня. На Чэн Мэйсинь было серебристо-серое ципао [3] и бриллиантовые серьги. Она нарочито припозднилась и сперва подошла к госпоже Цянь, чтобы обменяться с ней любезностями. Пройдя в зал, она увидела, что Чэн Фэнтай как всегда играет в маджонг в паре с Фань Лянем. Тот, заметив её, засуетился сильнее Чэн Фэнтая — называя Чэн Мэйсинь старшей сестрицей, поднялся, намереваясь уступить ей место. Чэн Мэйсинь давно не виделась с младшим братом, а потому ей непременно нужно было сыграть с ним разок.

Чэн Фэнтаю сегодня везло в игре, а потому он прикрикнул на Фань Ляня:

— А ну сядь! И не двигайся!

Их сосед по столу встал и, собрав фишки, со смехом бросил:

— Ладно, вы ведь родня, так что играйте на здоровье, уж лучше я освобожу вам место!

Чэн Мэйсинь не стала церемониться: послав мужчине улыбку, она тут же села за стол и вклинилась в игру, перемешав фишки — получив свои, Чэн Фэнтай отвернулся и с досадой прикрыл глаза.

— Вот что я скажу: Лянь-гэ-эру тоже стоит уйти, — сказала Чэн Мэйсинь. Целыми днями я вижу, как ты липнешь к нашему второму господину — двое мужчин в семье, и ни один не занят сколь-либо путным делом. Что с вами такого станется, если вы ненадолго разлучитесь?

— Старшая сестрица чересчур несправедлива ко мне, — с улыбкой ответил Фань Лянь. — Вы же сами видите, это он целыми днями ко мне липнет.

— Совсем не ценишь доброго отношения! — возмутился Чэн Фэнтай. — Я же так высоко о тебе думал!

— В таком случае мне стоит преклонить колени, — растягивая слова, провозгласил Фань Лянь, — и отвесить тройной земной поклон [4], благодаря тебя за оказанную милость!

— Изволь! И прижимайся к полу как следует!

Фань Лянь устал на него укоризненный взгляд.

— Вы двое в самом деле будто родные братья, — вздохнула Чэн Мэйсинь. — В прошлый раз при встрече я сказала младшей невестке — когда не можешь найти второго господина Чэна, следует искать второго господина Фаня, потому что вы всё время ходите парочкой. Даже не знаю, что меня в этом раздражает.

— Обе наши старшие сестрицы всё поняли неправильно, — со смехом отозвался Фань Лянь. — Мы со старшим зятем вместе, только когда развлекаемся [5]. Однако мой зятёк только и делает, что развлекается — потому-то нас всё время и видят вместе.

Когда Фань Лянь высмеял Чэн Фэнтая подобным образом, тот, естественно, захотел взять реванш. Расплывшись в улыбке, он игриво бросил:

— Не стану скрывать от старшей сестрицы, что, будь Фань Лянь девушкой, то с подобной красотой талантами, знаниями и семейным достоянием, — с этими словами он приподнял лицо младшего шурина за подбородок, — я тотчас же взял бы его в наложницы.

На это Фань Лянь расхохотался, а потом многозначительно произнёс:

— Будь я женщиной, старший зять обрюхатил бы меня, но так и не женился.

— Что ты, я только в весёлые дома хожу, и без последствий, — решительно заявил Чэн Фэнтай.

— Ну вы и шутники! — не выдержав, рассмеялся кто-то за соседним столом.

Чэн Мэйсинь тоже заливалась смехом, толкая Чэн Фэнтая в плечо:

— Ах ты пошляк! Вот скажи, хоть мы с тобой брат и сестра, есть ли между нами хоть что-то общее?

Так они и продолжали перебрасываться шуточками, пока в дверь внезапно не вошёл человек. Он сильно припозднился, однако, стоило ему войти, как несколько господ отложили игру и, окружив его, любезно помогли снять плащ и стряхнуть снег с волос — при этом они смеялись и шумели.

— Погодите! — с улыбкой попросил вошедший. — Я сам! И не теснитесь так вокруг меня!

Услышав этот мягкий шелестящий голос, Чэн Фэнтай сразу понял, кто это.

— Шан-лаобань! — обернувшись, с улыбкой бросил он. — Составите мне компанию на восемь партий?

Шан Сижуй улыбнулся ему и хотел было согласиться, но тут, подняв глаза, увидел Чэн Мэйсинь — сидя во главе стола, она с каменным лицом сверлила его злобным взглядом. С лица актёра тотчас сползла улыбка. Отвесив лёгкий кивок Чэн Фэнтаю, он развернулся и направился в соседний зал. Однако второй господин, сам не зная почему — то ли желая позлить сестрицу, то ли по какой-то другой причине — громко окликнул его:

— Шан-лаобань? Шан-лаобань! Идите сюда! Я вас жду!

Фань Лянь пнул его под столом, думая про себя: «Даже если ты ни во что не ставишь свою старшую сестрицу, зачем демонстрировать это прямо перед ней?» Чэн Мэйсинь с громким стуком опустила костяшку на стол, бросив негодующий взгляд на Чэн Фэнтая — пусть в душе она ругала его на чём свет стоит, но ничем иным не выказала своего гнева.

Чэн Фэнтай никогда не принимал семейные склоки из-за ревности [6] близко к сердцу, в детстве в своей семье он их повидал немало. На его взгляд, Чэн Мэйсинь по отношению к Шан Сижую была всё равно что старшая госпожа, которая, стремясь к власти, стремится вытеснить мальчишку на содержании — хоть они были не в силах жить под одним небом, судьба отчего-то всё время сталкивала их в смертельной вражде [7]. Пока муж занимал себя подобными глупыми мыслями, Чэн Мэйсинь уже плела против него интриги с его женой. Несколько дней спустя она специально зашла ко второй госпоже, чтобы пожаловаться:

— Невестушка, тебе следует заняться моим младшим братцем. Нельзя, чтобы он болтался где

ни попадая, развлекаясь в обществе сомнительных людей.

Вторая госпожа в ближайшее время готовилась стать матерью. Услышав это, она испуганно вздрогнула и, хмурясь, поднялась с места:

— Опять он с кем-то развлекается?

Чэн Мэйсинь помогла ей сесть обратно и с улыбкой заверила:

— Нет, это не так. Но мне кажется, что в последнее время он чересчур сблизился с одним актёром.

Вторая госпожа вскинула брови в ожидании, пока собеседница закончит.

— Невестка знает его, это тот самый Шан Сижуй. Этот рядящийся в женщину тип тот ещё фрукт — не позволяй ему завлечь второго младшего братца.

Вторая госпожа тут же перестала хмуриться.

— Он же твой младший брат, так что ты его лучше знаешь, — сказала она, придерживая большой живот. — Куда мне его воспитывать? Проще убить его, чем держать его в узде. Я прошу лишь, чтобы он не тащил с улицы женщин и прижитых с ними детей, возношу за это благодарность небу и земле, и ему за его любовь ко мне!

Вторая госпожа и Чэн Мэйсинь были будто из разных миров. Невестка закручивала волосы в пучок и бинтовала ноги, будто до сих пор жила в эпоху Цин. Поскольку Шан Сижуй был мужчиной, даже если у Чэн Фэнтая с ним что-то и будет, она не придаст этому значения. Раз уж нельзя удержать мужа от того, чтобы он развлекался на стороне, если он будет делать это с такими же, как он сам, то наиграется вволю и только — никаких последствий не будет. Вот если вместо Шан Сижуйа была бы актриска — тогда вторая госпожа распереживалась бы до смерти. Ну а если от этого никакого беспокойства, никаких детей [8] — зачем же предпринимать меры? Подстрекания Чэн Мэйсинь не увенчались успехом, так что, немного поговорив о домашних делах, она ушла несолоно хлебавши.

В конце сезона труппа «Шуйюнь» Шан Сижуйа давала большое представление, которое вызвало живой интерес и, будучи свежим и оригинальным, имело необычайный успех — весь Бэйпин смаковал его ещё полмесяца. Хоть Чэн Фэнтай совсем не интересовался оперой, после того, как он подружился с Шан Сижуйем, ему неожиданно захотелось достать билет и сходить на представление. Разумеется, Фань Лянь должен был пойти с ним — а потом несколько дней без сна ходил взад-вперёд за Чэн Фэнтаем, оживлённо жестикулируя, и распинался, как великолепно Шан Сижуй играет даже в непривычном для него образе, представляя в амплуа

ушэн [9], и сколько жизни в его манере исполнения. Впустую слушая его болтовню, Чэн Фэнтай курил, глядя в одну точку — и тогда Фань Лянь возмутился, что он будто играет на цитре перед быком [10], такой его зять приземлённый.

После этого в первый лунный месяц года в Бэйпин по делам приехал министр финансов Цзинь, и по этому случаю устроил представление в Торговой палате, самолично послав приглашение Шан Сижую, чтобы тот выступил с заключительным номером. Прямо перед этим глава труппы распустил актёров на праздники, чтобы они могли вернуться в родные места и встретить их с семьёй, и те разъехались кто куда. Остались лишь несколько детей и актёров амплуа ушэн, а этот состав совсем не годится для заключительного номера. К тому же, играющий на хуцине дядюшка Ли заболел, так что Шан Сижую только и оставалось, что взять пару свёртков с гримом и явиться с одной лишь Сяо Лай.

Само собой, в тот день зал был полон богатых и знатных господ, царило необычайное оживление, ведь здесь собрались все успешные дельцы Бэйпина. Чтобы бизнес был достаточно крупным, его нужно развивать до преклонных лет, а потому из всех присутствующих самыми молодыми были нувориш Чэн Фэнтай да унаследовавший семейное имение Фань Лянь. Эта молодёжь не походила на коммерсантов старой закалки — они держались весьма легкомысленно: только и делали, что шептались о фильме, который посмотрели прошлой ночью, и выпивали да закусывали, будто на хромовой ярмарке в праздничный день.

Министр Цзинь обожал поддерживать молодое поколение, к тому же он водил дружбу с отцами Чэн Фэнтая и Фань Ляня, а потому при встрече с министром им волей-неволей приходилось величать его старшим дядюшкой [11], и из-за этого со стороны казалось, будто они состоят с ним в более близких отношениях, чем прочие. Хромой министр Цзинь полдня обменивался приветствиями с гостями, а потому его давно мучила нестерпимая боль в ногах. Притянув к себе за руки Чэн Фэнтая и Фань Ляня, он, хромая, потащил их следом и усадил слева и справа от себя, после чего они немного поговорили о торговых и семейных делах. Влияние министра Цзиня было столь велико, что даже председатель Торговой палаты мог только мечтать о подобном, однако молодые люди вовсе не придавали этому надлежащего значения, ощущая лишь ужасающую скуку. Чэн Фэнтай натянул фальшивую улыбку, а Фань Лянь смеялся невпопад — иными словами, они оба вели себя совершенно безалаберно.

Зная, что что Фань Лянь уехал на юг, чтобы сбежать от войны, министр Цзинь ухватился за эту тему:

— Всё-таки хорошо бы тебе вернуться в крепость семьи Фань. Во-первых, приказчики, видя, что хозяина нет рядом, будут относиться к его имуществу спустя рукава и начнут укрывать доходы за год. Во-вторых, враг всегда начеку, и если наши бойцы будут недостаточно бдительны, то наша земля отойдет японцам, как же вы после этого посмотрите в глаза своим предкам?

Когда в этом году в страну вторглись японцы, регулярная армия дала стрекача, испарившись [12] без единого выстрела. Теперь же этот чинуша имел наглость требовать, чтобы безоружные люди сами защищали свои границы от вооружённых до зубов [13] японцев. Фань Лянь мрачно усмехнулся и хотел было сказать, что за потерю крепости Фань его осудили отнюдь не предки, а старшая сестрица, которая хорошенько намылила ему шею. Раз вы потеряли земли, значит, вы воистину непочтительны к предкам, народ плюёт на вас, и вообще вы заслуживаете самой

суровой кары [14]! Однако внешне он всегда сохранял напускное добродушие, приберегая эти слова горькой правды для бесед с глазу на глаз с Чэн Фэнтаем.

— Министр Цзинь всё верно говорит, — с улыбкой отозвался он. — Как же мы сможем защитить Родину, если не в силах отстоять свой дом? Как только младшая сестрица на будущий год выйдет замуж, я со спокойным сердцем вернусь в родные края.

Чэн Фэнтай наблюдал этот насквозь лживый обходной манёвр со стороны, думая о том, что свадьба Фань Цзиньлин существует лишь в фантазиях — похоже, ждать её придётся до года обезьяны, месяца лошади [15]. А если Цзиньлин [16] так и не выйдет замуж, что же, выходит, что Фань Лянь никогда не вернётся на родину?

Министр Цзинь и не догадывался, что Фань Лянь его попросту дурачит — мужчина с довольным видом кивнул и какое-то время молча смотрел представление, а потом повернулся к Чэн Фэнтаю с непринуждённой речью:

— Помнится, некогда старший братец продвигал идею «спасения страны при помощи промышленности». Отчего же теперь мой племянник [17] тратит силы на перевозки и мелкую торговлю? Со способностями моего племянника и с устремлениями его отца, отчего бы ему не открыть какую-нибудь фабрику? Со временем это принесёт богатство [18] — тогда не придётся якшаться с бандитами с большой дороги, и нам, старикам, радость.

Отец Чэн Фэнтая некогда много потерял на своём производстве. Фабрика, которой он владел, совсем развалилась, он не сумел расплатиться с долгами, что привело к полному разорению семьи и его трагической кончине. Памятуя об этом, Чэн Фэнтай решил не повторять ошибок отца. К тому же, времена были смутные, поговаривали, что близится война, а Чэн Фэнтай не успел распродать изначально имевшиеся у него лавки. Если же он начнёт новое дело, а вскоре и впрямь разразится война, тогда он будет привязан к фабрике — и кто потом будет плакать? Фабрику нельзя разобрать, нельзя продать, а одна бомба способна разнести всё вдребезги. Опять же, когда их семья терпела бедствие, что-то Чэн Фэнтай не помнил, чтобы кто-то из старшего поколения протянул им руку помощи, так с чего бы ему теперь уважать их право старшинства?

Хранивший молчание Фань Лянь наострил уши, слушая министра Цзиня. Между делом он обменялся с Чэн Фэнтаем взглядом, в котором презрение соседствовало с насмешкой. Оба про себя подумали: «Этот закоренелый холостяк [19] Цзинь, этот негодный человек, хромоногий и вероломный — несмотря на то, что он при деньгах, его не увидишь ни с оружием в руках на страже родины, ни поднимающим промышленность — только и знает, что подначивать людей. Другие поднимают экономику, а он только подписывает бумажки да подсчитывает барыши. Лишь полный дурак [20] его послушает!»

— Ваш племянник привык жить на широкую ногу, — со смехом отозвался Чэн Фэнтай. — Хоть внешне у него всё прекрасно, на самом деле он платит огромные долги второго господина Фаня. Приказчики его семьи подворовывают, а он сидит без денег, и потому выманивает у меня в долг. Когда младшая сестра второго господина, выйдя замуж, покинет имение, он наконец уедет в крепость семьи Фань, и никто больше не будет тянуть из меня деньги — тогда я тотчас

отправлюсь в Посольский квартал [21], открою банк и померяюсь силами с американцами, подняв престиж нашей страны!

Фань Лянь отвернулся, изо всех сил сдерживая смех. Какие ещё вороватые приказчики, какая свадьба младшей сестры — вся эта выдаваемая с абсолютно серьёзным видом ахиunea служила одной лишь цели — обвести министра Цзиня вокруг пальца. А когда речь зашла о престиже страны, то Фань Лянь так проняло, что у него от смеха затряслись плечи.

— Эге! — изумлённо бросил министр Цзинь, оборачиваясь. — Что это так обрадовало Лянь-гэ-эра?

Разумеется, Чэн Фэнтай не мог признаться ему, что Фань Лянь давится от смеха, потому что старший зять у него на глазах дурачит министра Цзиня. По счастью, на сцену как раз вышел Шан Сижуй, так что он ответил:

— Просто второй господин Фань такой большой поклонник Шан-лаобаня, что всякий раз, как он видит его игру, у него будто полный рот пчелиного помёта.

Выяснив, в чём дело, министр Цзинь, заулыбавшись, кивнул.

Нынче все сошлись на том, что Шан Сижуй и Нин Цзюлан своими талантами затмевают всех прочих. Идя плечом к плечу, оба следовали традициям и открывали что-то новое. И всё же министр Цзинь не очень-то этому верил, полагая, что после того, как Нин Цзюлан покинул сцену, Шан Сижуй был подобием обезьяны, которая нарекла себя царём после ухода тигра, рыбьим глазом, который выдавали за жемчужину [22], и вовсе не так уж хорош, как о нём говорят. Сегодня он намеренно подверг навыки Шан Сижую испытанию, велел ему представить «Перевал Фаньцзян» [23]. Поскольку Нин Цзюлан в совершенстве овладел амплуа как дань, так и шэн, как военными, так и прочими амплуа, его талант можно было счесть всесторонним. Министр Цзинь не верил, что способности Шан Сижую столь же многогранны, а потому в дополнение выбрал акт пьесы с ролью в амплуа лаошэн [24] — «Манёвр пустого города» [25] — и также включил его в программу, желая доказать, что Шан Сижуй не справится с этой партией.

Появление Шан Сижую на сцене несло в себе столько энергии, что он сразу сорвал бурю оваций. Чэн Фэнтай, который, в конце концов, был шанхайцем, совершенно в этом не разбирался, а потому не способен был понять, что вызвало подобное воодушевление — вот если бы на сцене пела изящная кокетка-хуадань в зелёных одеждах, он, может, и послушал бы. В «Перевале Фаньцзян» не набралось бы и нескольких фраз, лишь в глазах так и рябило [26] от акробатики с шестом, но Чэн Фэнтай не удостоил её и взглядом. Однако после каждого трюка все эти важные господа как один вскакивали на ноги и кричали «браво!», и министр Цзинь также с улыбкой кивал головой, явно давая понять, что считает игру весьма недурной.

Когда Шан Сижуй завершил выступление в роли Сюэ Цзиньянь, министр Цзинь, который не сводил с него глаз, тут же подозвал актёра к себе со сцены. Теперь взгляды министра совершенно переменялись, он собственноручно налил бокал вина и подал Шан Сижую со

словами:

— Я знаю, что вы, оперные певцы, отказываетесь от выпивки, однако это вино, изготовленное из виноградного сока, не повредит вашему горлу.

Поблагодарив его, Шан Сижуй медленно осушил бокал. Ставя его на стол, он с улыбкой бросил искрящийся взгляд на Чэн Фэнтая и Фань Ляня. Второй господин Чэн в ответ мельком окинул взглядом министра Цзиня и скорчил страдальческую мину, словно бы говоря Шан Сижую: «Как ты думаешь, каково мне составлять компанию отвратительному старику, ведя с ним смертельно скучные разговоры о делах!»

— Мастерство Шан-лаобаня воистину восхитительно, — с улыбкой заметил министр Цзинь. — Сразу видно, что он без усталости его оттачивает.

— Изначально я учился на ушэна, а впоследствии сменил амплуа, — ответил Шан Сижуй.

— Я ошибался, — признал министр Цзинь. — Безусловно, исполнение партии лаошэна в «Манёвре пустого города» также не составит Шан-лаобаню ни малейшего труда.

Шан Сижуй лишь скромно улыбнулся вместо ответа. Немного погодя он вернулся за кулисы, чтобы переодеться. Хотя сегодня он получил немало хвалебных отзывов, сам он не был доволен своим выступлением, чувствуя, что сыграл-то он неплохо, но вот пение ему не удалось. В этом актёр винил хуцинь, звук которого то внезапно взлетал, то столь же резко падал, не следуя за его голосом. Во время нанесения грима он походя спросил:

— Кто сегодня играет на цине?

— Шан-лаобань тоже это почувствовал? — отозвался один из мужчин. — Разумеется, это виртуоз игры на струнных инструментах, старший ученик Хэ-шаоцина [27], ужасно заносчивый. — С этими словами он кивнул на кувшин и чарку слева и справа от себя и, скорчив гримасу, добавил: — Перед тем, как выйти на сцену, он заворачивает сюда, чтобы выпить пару чарок вина и поволочиться за сяодань [28]. Обычно на людей, когда они выпьют, нисходит поэтическое вдохновение, но его струны натягиваются сверх всякой меры. С его точки зрения все мы — не более чем фон для его божественных талантов. Его попросту распирает от самодовольства [29]...

Шан Сижуй кивнул — выходит, что это был ученик его почтенного мастера. Больше он жаловаться не стал, лишь нацепил накладную бороду и приготовился к выходу на сцену.

Примечания:

[1] Между ними зародилась дружба — в оригинале 成尚德交 (chéng shàng de jiāohǎo) — в букв. пер. с кит. «дружба ЧэнШан».

[2] Цветущие горы, зелёные реки — в оригинале 山紅水綠 (Shān hóng shuǐlǜ) — в букв. пер. с кит. «горы красны, воды зелены» — это словосочетание означает природные богатства.

[3] Ципао 襦 (qíráo) — или чонсам — маньчжурское женское платье обычного во времена династии Цин покроя, длинное, со стоячим воротником и широкой правой полой. Сейчас популярно в несколько видоизменённом виде.

[4] Преклонить колени и отвесить тройной земной поклон — в оригинале 三跪九叩 (sānguì jiǔkòu) — коленопреклонение перед тронном, при котором полагалось трижды становиться на колени и всякий раз трижды кланяться, касаясь лбом пола.

[5] Развлекаемся — в оригинале чэньюй 吃喝 (chīhē wánlè) — в пер. с кит. «есть, пить и веселиться», обр. о праздной жизни.

[6] Склоки из-за ревности — в оригинале чэньюй 爭風吃醋 (zhēngfēng chīcù) — в пер. с кит. «ссориться из зависти (ревности) и пить уксус».

Выражение «пить (букв. «есть») уксус» отсылает к истории, случившейся при императоре Тай-цзуне (самый могущественный император династии Тан, VII в.). Желая наградить своего советника Хуанлиня, император предложил ему на выбор молодых наложниц из своего гарема, однако жена сановника этому противилась. Тогда разгневанный её упрямством император поставил женщину перед выбором: либо принять молодую наложницу мужа, либо выпить чашу отравленного вина. Жена советника выбрала яд, однако в её чаше оказался уксус, ведь таким образом император лишь хотел проверить её стойкость.

[7] Хоть они были не в силах жить под одним небом, судьба отчего-то всё время сталкивала их в смертельной вражде — в оригинале два чэньюя:

不問天 (bùwèndàitiān) — в пер. с кит. «порознь жить под небом», обр. в знач. «пылать смертельной ненавистью».

你死我活 (nǐ sǐ wǒ huó) — в пер. с кит. «ты умираешь, я живу», обр. в знач. «не на жизнь, а на смерть (о борьбе)».

[8] Никаких детей — в оригинале чэньюй 一兒一女 (yīnánbànnǚ) — в пер. с кит. «мальчик или хотя бы полдевочки», обр. в знач. «хоть бы одного ребёнка иметь».

[9] Ушэн 武聖 (wǔshèng) — герой-воин, молодой крепкий мужчина, прекрасно владеющий боевыми искусствами.

Амплуа подразделяется на чанкао ушэн и дуаньда ушэн.

Чанкао ушэн — герой, облачённый в полный доспех, носит шлем и сапоги на толстой подошве. Чаще всего это великие полководцы с оружием на длинной рукояти. В сценических движениях

основной упор делается на поясницу и ноги, ведущая техника — декламация. Преобладает изящная манера исполнения, движения сдержанные, но уверенные. В поведении героев наблюдаются достойные манеры и напористость.

Дуаньда ушэн — субамплуа получило название от короткого вида оружия. Чаще всего это повстанцы и благородные разбойники. Представления характеризуются ловкими, проворными движениями актёров и дерзкими боевыми сценами. Главным требованием к жестикуляции и акробатике была красота. Иногда актёр дуаньда ушэн выступает в образе героя с раскрашенным лицом (уцзин) — например, в роли Сунь Укуна.

[10] Играть на цитре перед быком 吹笛 (duì niú tánqín) — чэньюй, обр. в знач. «метать бисер перед свиньями; как об стенку горох».

[11] Старший дядюшка 伯父 (bófù) 伯 бофу 伯 старший брат отца, а также обращение императора к князю, принадлежащему к царскому роду.

[12] Испарившись — в оригинале 烟消 (yānxiāo) — в букв. знач. «как струйка дыма», обр. в знач. «быстро, мгновенно».

[13] Безоружные — в оригинале чэньюй 手无寸铁 (shǒu wú cùn tiě) — в букв. пер. с кит. «ни цуня железа в руках», обр. в знач. «невооружённый, безоружный, беззащитный».

Вооружённые до зубов — в оригинале чэньюй 枪声 (hèqiāng-shídàn) — в букв. пер. с кит. «винтовка на плече и боевой снаряд», обр. в знач. «во всеоружии, в боевой готовности».

[14] Заслуживаете самой суровой кары — в оригинале чэньюй 罪该万死 (zuìgāiwànsǐ) — в букв. пер. с кит. «преступление заслуживает десяти тысяч смертей», обр. в знач. «умереть из-за своих смертных грехов».

[15] Год обезьяны, месяц лошади 猴年马月 (hóu nián mǎ yuè) — чэньюй, означающий «неизвестно, когда», обр. в знач. «когда рак на горе свистнет; после дождичка в четверг; до морковкина заговенья; до второго пришествия».

[16] Цзиньлин 金铃 (jīnlíng) — в пер. с кит. имя означает «мелодичное золото».

[17] Здесь употребляются вежливые обращения используемые между друзьями 师兄 (shìxiōng) — шисюн — «старший брат» и 师兄 (shìzhī) — шичжи — «племянник», в которых «ши» 师 (shī) означает поколение (прошлое или будущее), это отличается от шисюн, шичжи и т.д., используемых в кругах учителей и соучеников, там «ши» 师 (shī) — это «наставник».

[18] Принесёт богатство — в оригинале чэньюй 日进斗金 (rì jìn dòu jīn) — в букв. пер. с кит. «день приносит доу золота», где доу 斗 (dǒu) — мера веса, равная 2,5 цзиня, то есть, около килограмма.

[19] Закоренелый холостяк — в оригинале 老光棍 (lǎowǔ) — отсылка к Ван Лаоу 王老五 (Wáng Lǎowǔ) — герою одноимённого фильма 1937 года, это имя стало нарицательным для состоятельных мужчин, которые сперва не желают жениться рано из-за карьеры, а потом решают, что в этом вообще нет смысла, при этом отнюдь не гнушаются любовных похождениях, обзаводясь детьми. В народе благодаря нему появилось нарицательное 钻石王老五 (zuànshí wánglǎowǔ) — в пер. с кит. «бриллиантовый холостяк», «выгодный жених».

[20] Полный дурак — в оригинале 二百五 (èrbǎiwǔ) — в букв. пер. с кит. «двести пятьдесят», обр. в знач. «дурак, недотёпа». Существуют несколько гипотез происхождения этого каламбура, вот одна из наиболее интересных:

В эпоху Сражающихся царств стратег и дипломат Су Цинь пал от руки наёмного убийцы в Царстве Ци. Правитель Ци пришёл в ярость и, желая во что бы то ни стало поймать злодея, придумал хитроумный план. Он отрубил голову Су Циню и велел бичевать её, а потом повесить на воротах, объявив, что он был злодей и предатель, и правитель Ци не знал, как от него избавиться, а потому готов даровать убитому его герою тысячу золотых таэлей. На эту уловку и впрямь купились четверо человек. Когда они явились во дворец, правитель спросил у них, как же они поделят награду, и один из них ответил: да очень просто, по двести пятьдесят таэлей каждому. Тогда взбешённый правитель приказал выдать им деньги и тут же казнить их, а настоящий убийца благополучно скрылся в Царстве Цинь.

[21] Посольский квартал 东交民巷 (dōngjiāo mínhàng) — (Старый) Посольский квартал, район в Пекине, где между 1861 и 1959 годами было расположено большое количество иностранных миссий.

[22] Обезьяна, которая нарекла себя царём после ухода тигра 山中无老虎 猴子称大王 (shānzhōng wú lǎohǔ hóuzǐ chēng dàwáng) — поговорка, означающая «распоряжаться по-своему в отсутствие настоящего хозяина» или «кот из дома — мыши в пляс».

Рыбий глаз, который выдавали за жемчужину 鱼目混珠 (yú mù hùn zhū) — чэньюй, означающий «выдавать фальшивое за подлинное».

[23] «Перевал Фаньцзян» 关公 (Fánjiāng guān) — пьеса также носит название «Золовка и невестка скрепляют мечи». В пьесе повествуется о вражде двух героинь-удань — генерала Фань Лихуа, недавно вошедшей в семью Сюэ, и её золовки Сюэ Цзиньлянь, которых впоследствии мирит свекровь Фань Лихуа. В опере есть красивая боевая сцена противостояния героинь. Сюэ Цзиньлянь играл Мэй Ланьфан, благодаря чему акцент смещался на его героиню.

Удань — женщина-воин, владеющая боевыми искусствами. Делится на субамплуа:

Даомадань — героиня облачена в доспехи, ездит верхом, орудует длинным оружием, как правило, женщина-полководец. Особое внимание в образе уделяется манере исполнения, жестуляции и акробатике. Ведущая техника — декламация.

Удань — выдающаяся женщина-воин из числа повстанцев. Её одежда — обычно короткий

халат. Ведущие техники — боевые искусства и акробатика.

[24] Лаошэн — пожилой герой, в большинстве случаев носит бороду, благодаря чему также зовётся «бородатым героем». Как правило, правдивый и мужественный персонаж среднего или пожилого возраста. Ведущая техника — пение. Образ строгий, сдержанный, движения уверенные.

[25] Манёвр пустого города 空城計 (kōngchéngjì) — название акта происходит от 32-й стратагемы «Пустой город». В эпоху Троецарствия великий стратег Чжугэ Лян, оказавшись в осаждённом городе с горсткой воинов перед лицом огромной армии, приказал воинам открыть все ворота, взять метлы и подметать улицы, сам же уселся на городской стене и заиграл на лютне; противник, заподозрив неладное, отступил. Обр. в знач. «обман противника ложной демонстрацией силы», «блеф, психологическая атака».

[26] В глазах так и рябило — в оригинале 眼裏亂 (yǎnhuā liáoluàn) — в букв. пер. с кит. «в глазах пёстрый цвет кружится вихрем», обр. в знач. «глаза разбегаются», «в глазах пестрит».

[27] -шаоцин 少卿 (shàoqīng) — чиновник третьего класса с 1912-го года.

[28] Сяодань 小旦 (xiǎodàn) — актёры, исполняющие роль девушек-подростков.

[29] Распирает от самодовольства — в оригинале 狗肚裏撐不起四兩油 (Gǒu dùzi lǐ shèng bùxià sì liǎng yóu) — в букв. пер. с кит. «в животе собаки не может удержать два-четыре таэля масла» — обр. в знач. «распирает от чего-либо (напр., довольства или раздражения)», «совсем зажрался», «когда так хорошо, что уже плохо», говорят о людях, которые не умеют насладиться жизнью как следует, а также о легковозбудимых, раздражительных людях.

Сведения об амплу актёров из книги: Лю Вэньфэн. История китайской музыкальной драмы. М.: Шанс, 2019.

<http://bllate.org/book/17750/1660360>